

Многочисленному
Владимиру Ивановичу

Савву

Евгеній Трисильовъ.

На добрую память

автора

КЪ БІОГРАФІИ

Василія Назаровича Каразина.

ПОПЫТКА БѢГСТВА ЗА ГРАНИЦУ.

Эпизодъ изъ исторіи царствованія Императора Павла.

1923
1253

Центральная Научная
Библиотека ХДУ
№ 192981

Г45

ХАРЬКОВЪ.

Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
(Рыбная ул., д. № 30-й).

1901.

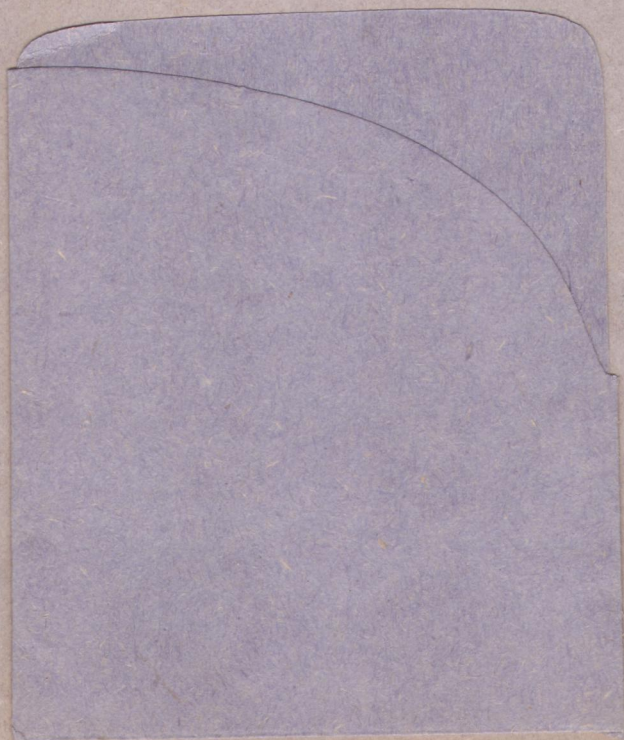
Проверено
1938

89 99

ольная Научн.
библиотека

7484(2) 711 9
2448.4(4812) 7083

Отдельные оттиски изъ „Записокъ Импер. Харьк. Университета“ за 1901 годъ.

08
241
79

Къ біографіи Василя Назаровича Каразина.

Попытка бѣгства за границу.

(Эпизодъ изъ исторіи царствованія Императора Павла).

Однимъ изъ самыхъ любопытныхъ эпизодовъ изъ жизни В. Н. Каразина является безъ сомнѣнія его попытка бѣжать за границу въ царствованіе императора Павла. До сихъ поръ этотъ эпизодъ остается еще недостаточно разъясненнымъ, хотя о немъ довольно подробно рассказывается на страницахъ Русской Старины ¹⁾.

Здѣсь же помѣщено и знаменитое письмо В. Н. къ императору Павлу, писанное имъ изъ подъ ареста и исключительно которому онъ по его собственному мнѣнію и по мнѣнію его біографовъ обязанъ своимъ спасеніемъ ²⁾. Какъ увидимъ впослѣдствіи, это мнѣніе требуетъ ограниченія.

Печатавъ письмо, редакція Рус. Старины дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе:

„Этотъ характеристическій документъ былъ уже напечатанъ въ „Чтеніяхъ Московск. Общ. Исторіи“ и въ одномъ русскомъ заграничномъ сборникѣ; но мы печатаемъ съ собственноручной рукописи В. Н. Каразина, сохранившейся у его почтеннаго сына, Ф. В. Письмо набросано его родителемъ многіе годы спустя послѣ 1798 г., по памяти, и потому не удивительно, если когда нибудь удастся найти подлинникъ, отправленный къ императору Павлу, то въ немъ окажутся варьянты ³⁾.

Между тѣмъ этотъ самый подлинникъ, отправленный къ императору Павлу, и напечатанъ вмѣстѣ съ другими документами, относя-

¹⁾ Т. VII, 1873 г., стр. 567—568.

²⁾ Ibid., стр. 568 и И. В. Абрамовъ. В. Н. Каразинъ. Его жизнь и общественная дѣятельность. СПб. 1891 г., стр. 12.

³⁾ Рус. Старина, 1873 г., т. VII, стр. 568.

щимися къ нашему эпизоду, въ „Чтеніяхъ“, на которыя ссылается и редакція.

Произошло недоразумѣніе, очевидно, вызванное отсутствіемъ указанія въ „Чтеніяхъ“ на источники, откуда заимствованы напечатанные въ нихъ документы.

Именно, въ примѣчаніи къ нимъ О. Бодянскій пишетъ: „Эти любопытныя свѣдѣнія о В. Н. Каразинѣ взяты изъ Правительственнаго источника. Они во многомъ не сходятся съ тѣми свѣдѣніями, которыя приводитъ Г. П. Данилевскій въ біографіи своей: „В. Н. Каразинъ“, помѣщенной имъ въ его изданіи: „Украинская старина“ (Харьковъ, 1866 г., стр. 103—104), и которыя взяты имъ изъ „Записки“ сына Василя Назарьевича, Ф. В. Каразина. Вѣроятно, онѣ будутъ имѣть ту же самую участь, какую и „Записка Г. Анастасевича о В. Н. Каразинѣ“, напечатанная мною въ „Чтеніяхъ“ 1861 г. (кн. 3, от. V, стр. 192—199) и вызвавшая со стороны Ф. В. упрёки въ поддѣлкѣ ⁴⁾).

Предчувствіе О. Бодянского о судьбѣ печатаемыхъ имъ документовъ до извѣстной степени оправдалось. Правда, упрёковъ въ поддѣлкѣ не было, но недовѣріе къ себѣ эти документы возбудили полное, какъ это видно изъ приведеннаго выше примѣчанія редакціи Рус. Старины. Такое же недовѣріе встрѣчаемъ мы и въ позднѣйшихъ трудахъ, гдѣ только приходится касаться этого эпизода, такъ, напр., въ біографическомъ очеркѣ Я. В. Абрамова В. Н. Каразинъ Его жизнь и общественная дѣятельность. СПб. 1891. Несмотря на то, что въ числѣ пособій для біографіи Каразина указаны и „Чтенія“ 1866 г., № 3, авторъ пользовался не этими документами, а данными, почерпнутыми изъ Рус. Старины и изъ біографіи Каразина Г. П. Данилевскаго.

Между тѣмъ въ Государственномъ архивѣ хранится цѣлое дѣло по поводу этого бѣгства, заключающее въ себѣ подлинныя документы, какъ-то: рапортъ объ арестѣ Каразина, его собственноручныя письма, протоколъ допроса, резолюціи Государя и нѣк. другіе ⁵⁾).

Изъ сравненія ихъ съ помѣщенными въ „Чтеніяхъ“ оказывается, что послѣдніе напечатаны съ этихъ самихъ подлинниковъ, только рапортъ о поимкѣ Каразина переданъ въ видѣ голаго факта, въ то время какъ подробности этого ареста являются очень интересными, да въ остальныхъ документахъ есть пропуски и искаженія отдѣльных словъ и выраженій, не имѣющіе существеннаго значенія; въ надлежащихъ

⁴⁾ Чтенія въ Общ. Ист. и Древ., 1866 г., кн. 3, стр. 36.

⁵⁾ Государ. архивъ VII разрядъ № 3267. О харьковскомъ дворанинѣ Каразинѣ, намѣревавшемъ (sic!) тайно уйти за границу.

мѣстахъ важнѣйшіе изъ нихъ будутъ указаны. Необходимо прибавить еще, что данныя эти напечатаны въ „Чтеніяхъ“ только какъ матеріалы безъ всякаго указанія на ихъ значеніе для біографіи В. Н. Каразина, за исключеніемъ приведеннаго нами выше примѣчанія ихъ издателя, О. Бодянского ⁶⁾).

На основаніи этихъ драгоцѣнныхъ документальныхъ данныхъ, представляется возможнымъ теперь не только подробно разяснить занимающій насъ эпизодъ, но и прибавить нѣсколько небезинтересныхъ чертъ къ біографіи В. Н. Каразина.

Въ ночь съ 12 на 13 августа 1798 года по берегу Нѣмана ходили обходомъ „для присмотра бѣглецовъ“ два рядовыхъ: Иванъ Васильевъ и Петръ Абалмасовъ. У самаго устья рѣки Вилии, между слободой Вилимпольской и рядомъ съ нею лежащей деревней Верши, увидѣли они идущаго жида, котораго бросились ловить, но онъ скрылся, а передъ ними вдругъ выскочилъ „неизвѣстно какой, а послѣ уже узанный дворянинъ Каразинъ“, который крикнулъ Абалмасову: „что ты за человѣкъ?“ Абалмасовъ отвѣчалъ, что солдатъ и что находится здѣсь для присмотра бѣглыхъ. На вопросъ же послѣдняго, что онъ за человѣкъ, неизвѣстный отвѣчалъ, что офицеръ и „тебѣ де дѣла нѣтъ“. Затѣмъ вынулъ горсть серебряныхъ денегъ и сталъ солдату класть въ карманъ. Но послѣдній, „имѣя не малое сомнѣніе, не сталъ ихъ брать, сказавъ: „служу Государю вѣрою до капли крови и съ дезертировъ денегъ никогда не беру“. Тогда неизвѣстный въ гнѣвѣ вскричалъ: „такъ ты правдой служишь и съ дезертировъ денегъ не берешь?“ и приставя къ груди солдата пистолетъ, продолжалъ: „вотъ тебѣ смерть или бери деньги, а мнѣ не мѣшай!“ Солдатъ, „видя себѣ таковую неминуемую смерть“, отвѣчалъ: „я не хочу вашихъ денегъ, только не лишайте меня жизни, и я васъ проведу до лодки“. Въ то время какъ Абалмасовъ объяснялся съ бѣглецомъ, другой солдатъ, Иванъ Васильевъ, успѣлъ сбѣгать къ лодкѣ неизвѣстнаго, взялъ изъ нея ружье и поспѣшилъ съ нимъ на помощь къ товарищу. Когда неизвѣстный увидѣлъ въ рукахъ солдата ружье, онъ бросился къ ружью и спустилъ курокъ. Вспыхнулъ на полкѣ порохъ, но выстрѣла не произошло. Тогда солдаты набросились на врага. Васильевъ силой вырвалъ изъ рукъ неизвѣстнаго ружье, а Абалмасовъ сзади обхватилъ его руками, и оба стали такъ громко кричать, что на ихъ крики изъ Вилимпольской слободы прибѣжало 6 караульныхъ

⁶⁾ „Чтенія“, 1866 г., кн. 3, стр. 31—36.

солдатъ. Борьба быстро окончилась. Побѣжденный покорился своей участи. вмѣстѣ съ нимъ арестованы были его жена и дворовый человѣкъ.

На допросѣ, произведенномъ полковникомъ Ганомъ, полкъ котораго оберегалъ въ этомъ мѣстѣ границу, выяснилось, что пойманный бѣглець харьковскій дворянинъ Каразинъ, прибывшій въ Ковно 10-го августа съ подорожною за подписью С.-Петербургскаго военнаго губернатора графа Буксгевдена, которая и записана въ книгу на гауптвахтѣ. Каразинъ признался, что онъ у Государя просилъ увольненія въ чужіе края, но ему было отказано; тогда онъ взялъ себѣ подорожную въ Гродно и Кіевъ, но не поѣхалъ туда, а явился въ Ковно, чтобы здѣсь тайно перебраться черезъ границу.

При немъ были найдены векселя на нѣмецкомъ яз. на 7000 руб. и на 1421 р. гамбургскихъ талеровъ съ переводомъ за границу да золотомъ 100 червонцевъ и серебромъ 100 рублей. Векселя и червонцы были опечатаны, а изъ остальныхъ 100 рублей арестованнымъ выдавалось на содержаніе. В. Н. съ слугой были посажены на гауптвахту, а жена его содержалась отдѣльно отъ нихъ, но тоже подъ карауломъ.

И такъ, бѣжать за границу не удалось!

Самъ Каразинъ, его жена и слуга подъ арестомъ, деньги отобранны, о его преступленіи безъ сомнѣнія донесено уже Государю, а преступленіе его двойное, нарушеніе не только общаго запрещенія перѣзда границы, но и частнаго, къ нему лично относящагося.

Пощады, конечно, ждать нечего. И вотъ, подъ впечатлѣніемъ безвыходности настоящаго положенія и ожиданія тяжелаго наказанія въ будущемъ Каразинъ хватается за послѣднее средство, которое у него еще остается: онъ пишетъ непосредственно Государю письмо, въ которомъ рассказываетъ свой арестъ, объясняетъ причины, побудившія его бѣжать за границу, и умоляетъ о прощеніи.

Письмо написано и отправлено. Но проходятъ дни за днями, а вѣстей изъ Петербурга нѣтъ никакихъ. Сомнѣніе западаетъ въ душу Каразина: а что, если письмо не дошло по назначенію? Рѣшается вопросъ о всей будущности, вопросъ слишкомъ важный, чтобы пренебрегать единственнымъ шансомъ спасенія. И Каразинъ пишетъ вновь Государю. Кто же передастъ прошеніе? Въ Петербургѣ нѣтъ ни родныхъ, ни знакомыхъ настолько вліятельныхъ, чтобы кому либо изъ нихъ можно было поручить эту передачу. Единственнымъ путемъ для этого остается путь официальный. Каразинъ посылаетъ письмо рекетмейстеру съ просьбой передать прошеніе Государю „въ часъ милости“.

„Высокопревосходительный Господинъ Рекетмейстеръ! Милостивѣйшій Государь! пишетъ Каразинъ. Не имѣю счастья знать, кто Вы,

но Богомъ и человѣчествомъ зачинаю Васъ представить присылаемое прошеніе Его Величеству подлинникомъ въ часть милости. Увѣренъ я, что Вы скалитесь надо мною *), несчастнымъ, увѣренъ, что Вы не захотите подтвердить общаго предубѣжденія противъ вельможъ и придворныхъ, и покажете, что есть между ними люди, имѣющіе сердце нѣжное, способное къ участиванію въ судьбѣ ближняго. Не законовъ боюсь я, которые молчатъ въ семъ случаѣ, не Государя, который великодушень, но одной медлительности суда, которая, заставивъ невинныхъ, иногда только подозрѣваемыхъ, томиться въ оковахъ цѣлые годы, бываетъ мучительнѣе всякой казни. Вашъ на вѣкъ свой благодарнѣйшій, покорнѣйшій слуга Василій Каразинъ.

Р. S. Прошеніе сіе посылается другой разъ, ибо случай, съ которымъ первое подобное ему отправлено, былъ сомнителенъ“.

При письмѣ было приложено и прошеніе Государю.

„Государь! Угнетенная совѣсть нудитъ меня устремиться къ стопамъ твоимъ съ глубокимъ чувствованіемъ своего преступленія. Ты зришь во мнѣ, Государь! того дерзкаго, который въ послѣднихъ числахъ іюня беспокоилъ Твой отверзтый всегда для жалобъ подданныхъ слухъ прошеніемъ о позволеніи отлучиться въ чужіе края. Получивъ отказъ, отказъ умягченный выраженіями самой кротости, вмѣсто того, чтобы съ протчими вѣрноподданными почтить съ благоговѣніемъ важныя причины, заставляющія Тебя ограничить входы и исходы Царства Твоего, простеръ я безумную наглость до толикой степени, что покусился близъ города Ковно ускользнуть отъ недремлющаго ока блюстителей Твоихъ предѣловъ. Посрамительное взятіе подъ стражу есть слѣдствіемъ сего. Государь! жизнь моя была, есть и будетъ въ рукахъ Твоихъ; не смѣю отверзти устъ на оправданіе, но не вѣрить мое сердце, чтобы преступленіе, гдѣ одно любопытство, одно невинное желаніе быть счастливымъ служило побудительною причиною, нашли въ Тебѣ мстителя. Иныхъ винъ не знаю я. Невозбранный пріѣздъ изъ губерніи, гдѣ я жилъ, въ столицу, двухмѣсячное въ ней пребываніе, безпрепятственное прибытіе чрезъ Псковъ, Ригу и Митаву сюда, пусть будутъ въ томъ свидѣтельствами, и громы гнѣва Твоего пусть будутъ готовы карать меня за ложь. Наконецъ, хотя бы строгости суда Твоего угодно было приписать мое бѣгство мрачной непріязни къ правленію Твоему, человѣколюбивый Монархъ! неужели милосердіемъ Твоимъ не восхочешь Ты примирить меня съ нимъ? Неужели допустишь, чтобы наказаніе жестокое оправдало въ душѣ моей непріязнь сію? Прощеніе мое, или и самое позволеніе

*) „мною“ въ „Чтеніяхъ“ пропущено, стр. 31.

удалиться, куда пожелаетъ человѣкъ, наказанный уже стыдомъ, раскаяніемъ и потерю неоцѣнимыхъ выгодъ въ отечествѣ своемъ, не можетъ на сердцахъ Твоихъ подданныхъ произвести иныхъ, кромѣ спасительныхъ впечатлѣній. Но когда то невозможно и когда сія неограниченная довѣренность къ милосердію Твоему должна назваться дерзостью, Монархъ! по крайней мѣрѣ позволь мнѣ умолять Тебя о повелѣніи представить меня ближе къ мѣсту величественнаго престола Твоего; не одинъ я несу тяжесть заключенія, бременная жена, невинная моя спутница, раздѣляетъ его со мною. Сократи томленіе несчастныхъ, ужасные часы неизвѣстности и страха, и да не медлительный судъ, но слово самодержанія Твоего рѣшитъ нашу участь. Верховный Судія! Милостивецъ! Безпредѣльный Владыка! Отецъ! со слезами объемлю колѣна Твои и ожидаю наказанія, мною заслуженнаго, или прощенія, свойственнаго душѣ Твоей. Вѣрноподанный Василій Каразинъ, дворянинъ Слободско-Украинской губерніи 30-го августа 1798 года, г. Ковно“.

Интересно сравнить оба письма: только что приведенное, современное событію, писанное подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ послѣдняго, и восстановленное много лѣтъ спустя по памяти. Для большей наглядности приводимъ здѣсь и второе, какъ оно напечатано въ Рус. Старинѣ ⁷⁾.

„Государь! Несчастный преступникъ осмѣливается къ тебѣ писать: преступникъ противъ твоихъ повелѣній, самодержецъ Россіи! не противу чести, совѣсти, религіи и отечественныхъ законовъ. Удостой внять прежде осужденія. Да озаритъ меня единый лучъ твоей прозорливости прежде, нежели сожжетъ молнія твоего гнѣва!

Я хотѣлъ оставить мое отечество, великую страну твоей державы; покусился на сіе вопреки твоей, двукратно, то-есть, всенародно и частно на мое имя выраженной воли. Ночью, противу 3-го числа сего мѣсяца, при переправѣ у Ковно черезъ Нѣманъ, я удержанъ объѣздомъ екатеринославскаго гренадерскаго полка. Въ короткое время достигнетъ о томъ официальное донесеніе. Конечно, будутъ собраны обо мнѣ свѣдѣнія въ С.-Петербургѣ, гдѣ я короткое время пробылъ, и въ Слободско-Украинской губерніи, краѣ моего рожденія и помѣстья. Дерзаю здѣсь предварительно увѣрить, что онѣ не послужатъ въ мое обвиненіе. Я не имѣлъ никакой нужды спастись бѣгствомъ,—оно будетъ загадкою для моихъ слѣдователей. Прійми мое признаніе: я желалъ укрыться отъ твоего правленія, страхась его жестокости. Многіе примѣры, разнесенные молвою въ пространствѣ царства твоего, молвою, вѣроятно, удеся-

⁷⁾ 1873 г., т. VI, стр. 567—568.

теренные, грозили моему воображенію день и ночь. Я не зналъ за собою вины. Въ уединеніи сельской жизни не могъ я имѣть ни случаевъ, ниже поводовъ оскорбить тебя; но свободный образъ моихъ мыслей могъ быть уже преступленіемъ....

Теперь въ волѣ твоей наказать меня—и оправдать страхъ мой, или простить—и заставить лить слезы раскаянія о томъ, что столь ложныя мысли имѣлъ о Государѣ великомъ и милосердномъ“.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе существенная разница между письмами въ самомъ важномъ вопросѣ—о причинѣ, побудившей Каразина бѣжать за границу. Въ то время какъ во второмъ письмѣ Каразинъ объясняетъ Императору свое бѣгство желаніемъ укрыться отъ его правленія, страшась его жестокости, въ первомъ о причинѣ бѣгства онъ пишетъ: „одно любопытство, одно невинное желаніе быть счастливымъ служило побудительной причиной“; „иныхъ винъ не знаю я“.

На допросѣ, которому Каразинъ былъ подвергнутъ, послѣ того какъ его привезли изъ Ковно въ Петербургъ, онъ подробно выясняетъ эту причину.

Еще въ молодости, пишетъ на допросѣ Каразинъ, онъ получилъ „самыя лестныя понятія о чужихъ краяхъ“ и потому „давно уже имѣеть намѣреніе провести жизнь свою тамъ, тѣмъ болѣе, что слабое его здоровье и мысли, какія онъ получилъ въ дѣтствѣ своемъ, лишивъ его службы и слѣдовательно многихъ выгодъ въ обществѣ“, убѣдили его въ невозможности сдѣлаться полезнымъ въ Россіи. „Поселиться расположенъ онъ былъ въ окрестностяхъ Гамбурга, и тамъ, среди просвѣщеннаго общества, среди природы, искусствомъ доведенной до завиднаго совершенства, среди лучшихъ способовъ питать свою нравственность, провести нѣсколько лѣтъ, оставшихся ему по его болѣзни“. „Другихъ намѣреній вредныхъ или вышней власти противныхъ онъ, Каразинъ, никогда въ себѣ не питалъ и имѣть не могъ, что подтвердили самыя безъ сомнѣнія точнѣйшія выправки. Живъ въ глубокомъ уединеніи почти все время жизни, не имѣлъ онъ ни съ кѣмъ сношеній, что еще болѣе подтверждаетъ его женитьба въ противоположность *) большаго свѣта на бѣдной воспитанницѣ матери его, подданной, съ которою онъ, не взирая на укоризны родственниковъ его, расположенъ былъ проводить жизнь свою. Воображалъ онъ, что въ отдаленномъ краю самое сіе различіе между состояніями и званіями супруговъ скрыто **)

*) Въмѣсто „въ противоположность“ въ „Чтеніяхъ“ „въ противность обычаемъ“, стр. 35.

**) Въ „Чтеніяхъ“ это мѣсто искажено, такъ какъ пропущено слово „скрыто“, стр. 35.

будетъ. Между прочимъ и сіе было одною изъ прочихъ *) причинъ, побуждающихъ его оставить отечество“.

Въ искренности Каразина при объясненіи имъ причинъ бѣгства, намъ кажется, нѣтъ основанія сомнѣваться.

Вспомнимъ, что ему въ это время было всего 25 лѣтъ, какъ онъ самъ показывалъ на допросѣ, что онъ съ увлеченіемъ предавался изученію наукъ, особенно естественныхъ, въ совершенствѣ изучилъ французскій, нѣмецкій и латинскій языки, не даромъ его называли украинскимъ Ломоносовымъ ⁸⁾; вспомнимъ, наконецъ, что его пылкость, энтузіазмъ, оставшіеся у него до глубокой старости, въ пору молодости должны были особенно сильно проявляться, напр., письмо Императору Александру I, и намъ станетъ понятнымъ, какъ Каразинъ рѣшился на это бѣгство.

Менѣе всего, кажется, можно приписывать причину бѣгства жестокости правленія Павла, какъ объясняетъ самъ Каразинъ въ позднѣйшемъ письмѣ. Возстановляя это прошеніе многіе годы спустя послѣ 1798 года, Каразинъ выразилъ въ этомъ объясненіи, повидимому, свой взглядъ вообще на эпоху царствованія Павла, сложившійся у него значительно позже.

Другое существенное различіе этихъ писемъ заключается въ ихъ тонѣ. Позднѣйшее письмо отличается сравнительно съ первымъ тономъ сдержаннымъ и холоднымъ. Совершенно другое впечатлѣніе производитъ подлинное письмо: оно поражаетъ силою чувства, дышетъ глубокою искренностью, сознаниемъ своей вины и полнымъ раскаяніемъ. Эта искренность и это прямодушіе больше всего конечно и должны были произвести впечатлѣніе на Павла, которому эти черты были въ высокой степени присущи.

Вслѣдъ за отправкой прошенія произошло то, на что Каразинъ едва могъ рассчитывать. Государю было доставлено прошеніе, и 9 сентября **) была послана Сакену въ Ковно резолюція Государя по этому дѣлу:

„Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ къ господину Сакену послать нарочнаго, чтобы онъ Каразина прислалъ въ С.-Петербургъ немедленно“.

Сакенъ 20 сентября увѣдомляетъ о полученіи предписанія и о его исполненіи, а 1 октября Каразину въ Петербургѣ былъ произведенъ новый допросъ.

*) „Прочихъ“ пропущено, *ibid*.

8) Г. И. Данилевскій. Украинская Старина. Харьковъ, 1866, В. Н. Каразинъ, стр. 103—104.

**) Тогдашнимъ ген.-прокуроромъ кн. Лопухинымъ.

На этомъ допросѣ выяснились слѣдующія обстоятельства, кромѣ приведенныхъ уже нами.

Каразину въ то время было 25 лѣтъ. Родомъ онъ былъ изъ Слободско-Украинской губерніи, гдѣ и получилъ первоначальное воспитаніе, довершенное въ С.-Петербургѣ. „Въ службѣ находился въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку по спискамъ съ 1785 года, но на лицо никогда. Страсть моя къ наукамъ, говоритъ далѣе Каразинъ, и родъ философской жизни, какую я вести началъ почти съ дѣтства моего, наконецъ, самое здоровье отвлекли отъ оной мысли навсегда. Я много разъ имѣлъ случай быть выпущену въ армію или другимъ образомъ получить чинъ, но я добровольно отказывался отъ него, несмотря на усилія моихъ родственниковъ, и сіе изъ двухъ причинъ: зналъ я, что я умру прежде, нежели заслужу оный по достоинству, даромъ же носить отличие я гнушался; сверхъ того боялся я, что не найду со всѣми возможными отличіями того счастья, которое находятъ у себя въ кабинетѣ или въ сельской рошѣ своей. По вѣствованію Его Императорскаго Величества вѣроятно выключенъ я изъ полку, но объ этомъ я не освѣдомлялся“. Съ Каразинимъ были арестованы жена его и слуга.

На допросѣ о нихъ показалъ Каразинъ слѣдующее: „Жена именемъ Домна Иванова дочь, родомъ изъ Слободско-Украинской губерніи, Богодуховской округи, села Кручика, въ супружествѣ живетъ два года и восемь мѣсяцевъ, отъ роду ей 16 лѣтъ. Слуга Евстафій Сѣренко изъ подданныхъ, онъ еще въ Псковѣ получилъ паспортъ для возвращенія въ мѣсто его рожденія; но принуждены были взять его съ собою оттуда до Ковно за невозможностью найти наемнаго человѣка. Отъ границъ расположены были Каразины отослать непременно“.

„Имѣніе его, продолжаетъ далѣе о себѣ Каразинъ, состояло въ двухстахъ слишкомъ душахъ, которое онъ, воображая, что никакого затрудненія не найдетъ получить отъ Государя позволеніе *), продалъ. Но когда получилъ онъ отказъ, то отчаяніе вселило ему намѣреніе выѣхать тайно, а ободряла надежда, что ежели бы онъ и задержанъ былъ, то поступокъ его покажется Государю достойнымъ болѣе презрѣнія, нежели наказанія“. „Имѣніе продано въ С.-Петербургѣ, но распоряженіе къ продажѣ сдѣлано было еще въ Украинѣ, т. е. отдано было оно покупщику на откупъ на такихъ условіяхъ, которыя бы могли разорить меня, если бы имѣніе осталось за мною. Сверхъ того сдѣлано съ нимъ обязательство: изъ 29000, полученныхъ за имѣніе, 10000 перевелъ покупщикъ на себя для уплаты въ банкъ, 8000 перевелся

*) выѣхать за границу.

онъ платить кредиторамъ, а 11000 Каразинъ, получа наличными, взялъ на онѣя съ великою потерей два векселя отъ Томсона и К^о, а одинъ у Рижскаго банкира Цукерберкера и Клейна“.

Этотъ протоколъ допроса, приведенный нами полностью, документъ очень важный. Прежде всего имъ разясняются обстоятельства, при которыхъ произошло помилованіе Государемъ Каразина. Безъ сомнѣнія, прошеніе Каразина имѣло большое значеніе во всемъ этомъ дѣлѣ, но не исключительное. Между тѣмъ самъ Каразинъ придаетъ ему именно послѣднее значеніе. Онъ говоритъ: „Слѣдствіемъ онаго (письма) была немедленно посылка за мною курьера и прощеніе, съ весьма милостивымъ принятіемъ въ службу“ ⁹⁾.

Въ дѣйствительности дѣло происходило нѣсколько иначе. Прошеніе Каразина обратило на него вниманіе Государя, подготовило почву для послѣдующаго милостиваго къ нему отношенія, но рѣшающее значеніе конечно имѣлъ приведенный нами допросъ. Вѣроятно, отвѣты Каразина были еще провѣрены, и тогда только состоялся докладъ Государю. На это указываютъ и хронологическія данныя. Допросъ состоялся 1 октября, а резолюція на докладъ по этому дѣлу послѣдовала 4 октября: „Каразина Высочайше повелѣно опредѣлить въ штатцъ-службу. Докладывано 4-го октября 1798 года“.

Изъ этого же допроса мы узнаемъ о военной службѣ Каразина. Въ его біографіяхъ (у Данилевскаго, Абрамова, въ Рус. Старинѣ ¹⁰⁾) кратко говорится, что онъ на дѣйствительную службу поступилъ сержантомъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ. Оказывается, что въ службѣ въ этомъ же полку онъ находился только по спискамъ, „но на лицо никогда“.

На слѣдующій день послѣ состоявшейся милостивой резолюціи Павла, 5 октября, Каразину выдали изъ тайной экспедиціи сената его деньги и документы, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ его собственноручная росписка.

По желанію Каразина онъ былъ назначенъ въ „штатцъ-службу“ къ барону Васильеву (государственному казначею), къ которому и явился съ слѣдующей рекомендаціей отъ генераль-прокурора:

„Милостивый Государь мой, баронъ Алексѣй Ивановичъ! Его Императорское Величество Высочайше повелѣтъ соизволилъ Харьковскаго дворянина Каразина опредѣлить въ службу по его желанію, а какъ объявилъ онъ желаніе быть подъ начальствомъ Вашего Высоко-

⁹⁾ Рус. Стар. 1873 г., т. VII, стр. 568.

¹⁰⁾ 1871 г., т. III, стр. 326.

превосходительства, то препровождая его при семъ къ вамъ, милостивый государь мой, покорно прошу его, какъ молодого человѣка, имѣющаго нѣкоторыя познанія, употребить при дѣлахъ по его способности и принять въ свое покровительство. Въ протчемъ пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ“. Октября 9 дня 1798 г.

Въ заключеніе нельзя не остановиться на слѣдующемъ: если весь рассказанный эпизодъ очень характеристиченъ для В. Н. Каразина, то не менѣе интереснымъ является онъ и для характеристики императора Павла.

Извѣстно, какъ строго относился Павелъ къ какому бы то ни было, даже незначительному, нарушенію закона. Это уваженіе у него было какъ бы врожденно. Въ данномъ случаѣ онъ имѣлъ дѣло съ преступникомъ двукратно, какъ выражается самъ Каразинъ, нарушившимъ законъ. И если онъ все таки простилъ виновнаго, то это приписать нужно только великодушію Павла. Основаніемъ же для проявленія великодушія безъ сомнѣнія послужили съ одной стороны отсутствіе вины, которая заставила бы Каразина бѣжать за границу, съ другой—глубокое раскаяніе бѣглеца, наконецъ, искренность и прямотушіе, обнаруженныя Каразинымъ и въ прошеніи и на допросѣ ¹¹⁾.

Евгеній Трифилевъ.

¹¹⁾ Любопытны тѣ слухи, которые циркулировали въ обществѣ въ 40-хъ годахъ по поводу этого эпизода съ Каразинымъ и наказанія, которому его подвергнул Императоръ Павелъ. И. П. Сахаровъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ, что онъ однажды былъ въ обществѣ, гдѣ „разсказывали много любопытнаго о Каразинѣ. Каразинъ служилъ прежде въ полку и вышелъ въ отставку капитаномъ (sic!). Ему вздумалось побывать за границей тогда, когда Императоръ Павелъ Петровичъ строго запретилъ выѣзды. Каразинъ былъ пойманъ и привезенъ въ Петербургъ. Императоръ Павелъ Петровичъ приказалъ его возить въ закрытомъ ботѣ около Кронштата трое сутокъ“. Русск. Арх. 1873, кн. I, стр. 962.

В. Анастасевичъ въ запискѣ о В. Н. Каразинѣ передаетъ этотъ же фактъ въ еще болѣе легендарной формѣ. Каразинъ просилъ Павла о дозволеніи выѣхать за границу. „Государь велѣлъ его, „за глупую просьбу“, нѣсколько времени провозить въ мѣшкѣ на катерѣ, вокругъ Кронштадта, а потомъ посадить въ СПб. Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ и находился до вступленія на престолъ Государя Александра I, который, будучи Великимъ Княземъ и Наслѣдникомъ и въ званіи генераль-губернатора столицы, часто посѣщая Петропавловскую крѣпость, замѣтилъ въ числѣ узниковъ В. Н., а послѣ бѣды съ нимъ, полюбивъ его, оказывалъ ему возможныя по тогдашнему времени благоволенія и пособіе. Согласно съ симъ окончаніемъ слышалъ я и отъ Д. Н. Б.-Каменского, но иначе разсказывалъ мнѣ самъ В. Н. въ началѣ моего съ нимъ знакомства..... В. Н. намѣренъ былъ тайно уѣхать въ чужіе края, но схваченъ на границѣ нашей и, по повелѣнію Павла I, посаженный въ крѣпость, содержался во все время царствованія сего Государя. Александръ I, узнавъ его тамъ, какъ выше сказано, по вступленіи на престолъ тотчасъ освободилъ его, приблизилъ къ себѣ....“. Чтенія въ Общ. Исторіи. 1861 г., кн. 3, стр. 193--194.

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА ХДУ
Інв. № 192981

